ЧЕЙ-ТО ДОМ

Почерневший дощатый забор. А за ним
появляются, глаз веселя,
чей-то беленький дом,
чей-то синенький дым,
чьи-то пряменькие тополя.

Чья-то стёжка бежит от ворот до крыльца,
чуть подернутая инейком,
чуть намеченный профиль чьего-то лица
промелькнул за оконным стеклом.

Кто ты, мил человек, появись, появись,
кликни в дом, где затоплена печь,
слишком, слишком мала, коротка наша жизнь,
чтобы встречей простой пренебречь.

Появись, помаши мне рукой, а потом
и про жизнь потолкуем с тобой,
и про этот забор, и про беленький дом,
и про синенький дым над трубой.

* * *

Какие выпуклые лбы –
в них что-то есть! Вот лоб Сократа,
который вспучился горбато
от дум, встающих на дыбы.

Непостижимая борьба
немыслимых противоречий,
не чуждых сути человечьей,
под крупной выпуклостью лба...

Планеты вспучена кора,
и кажется, планета тоже –
на лоб сократовский похожа –
о чём-то думает, мудра...

И степь в районе Барабы,
и океан, лишь с виду праздный, –
всё выпукло, шарообразно,
как человеческие лбы.

* * *

Живые от живых отцов родятся,
живых живые матери родят,
но до сих пор мне снятся, снятся, снятся
глаза убитых женщин и солдат...

А неродившимся, откуда знать им,
что и они родиться бы могли,
когда бы не бронированные рати,
что по земле не призрачно прошли...

Мне видятся растерянные лица
потомков, обнаруживших, что нет
того, кто должен был на свет родиться...
Державин? Ломоносов? Архимед?

МГНОВЕНИЕ

Мильоны лет мы не встречались –
мы были снегом у зимы,
у лета мы травой качались,
не ведая, что это – мы...

Но нам с тобою выпал жребий
людьми родиться, наконец,
узнать, что есть земля и небо
и единение сердец.

И счастливы, чьим судьбам, лицам
слиянье полное дано.
Но, к сожаленью, это длится
всего мгновение одно.

А после – никакой надежды
на встречу: бездна лет – без дна.
Не помнит снег,
кем был он прежде,
не знает, кто она.

ЭТЮД

Что стоило раскрыть мольберт
и тронуть кистью лист картона,
чтоб этот несказанный свет
сияющего небосклона
навек остался на стволах,
и на листве берёз весенних,
и на далёких куполах
неведомых сооружений,
что возникали наяву
за рощами и за полями
и устремлялись в синеву
космическими кораблями?..
Что ни рисуй, что ни пиши –
не воссоздашь и приближённо
то состояние души,

земли, берёз и небосклона...
Куда бы сердце ни рвалось,
с тех пор мечтаешь как о чуде –
о светлом, солнечном насквозь,
ненарисованном этюде.

* * *

Я сентябрьский. И осень люблю я за то,
что в лесах, перелесках и парках – желто,
что в лесах, перелесках и парках – рыжо,
краснолисто, пятнисто, сквозисто, свежо.
Обагряется быстрыми всплесками зорь
этот вербный, берёзовый, вязий простор,
одевает сенной, мёдом пахнущий дух,
от которого пьяным становишься вдруг.
Оттого ли брожу и как есть на духу
я в любви признаюсь и былинке, и мху,
и тропинке, рябинке – и той признаюсь.
Сентябри, сентябри мои! Весь сентябрюсь.

* * *

Ещё не приходилось
мне за себя трястись,
хоть в дни такие вырос –
не баловала жизнь.
А вот теперь, бывает,
на том себя ловлю,
что страх обуревает
за всё, что так люблю.
Боюсь за человека,
что бок о бок со мной,
боюсь за наши реки,
боюсь за шар земной.
Боюсь за это Солнце,
боюсь за ту звезду,
к которой нам неймется
наметить борозду.

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Пишу на языке земли, небес –
на языке,
которым объясняются и лес
в любви к реке,
и быстрая прозрачная река –
в любви к ветле,
и медленные в небе облака –
в любви к земле,
и робкие апрельские цветы –
в любви к весне,
и ты, одна-единственная ты –
в любви ко мне...
На языке любви щемит душа –
и потому
так счастлив объясняться не спеша
в любви к нему.

* * *

Звёзды, которые в нас загораются,
в тысячу раз сильней
тех, что по небу передвигаются
капельками огней.

Вёсны, которые в нас просыпаются,
в тысячу раз дружней
тех, что ручьями перекликаются
в сини апрельских дней.

Грозы, которые в нас разражаются,
в тысячу раз сильней
тех, что в природе сопровождаются
шорохами дождей...

Знойные засухи, снежные замети,
листьев осенний пляс
правдоподобней, явственней, памятней,
ежели это – в нас.

* * *

В брусничнике бруснику собираю,
горстями в рот кидаю и жую,
в криниченьке водицы набираю,
сложив ладони лодочкой, и пью.
Устраиваюсь где-нибудь на взгорке,
где ветерок потрёпывает чуб,
газету рву, беру щепоть махорки,
цигарку стародавнюю кручу.
А покурю – лежу, раскинув руки,
вдыхаю знойный запах медуниц,
ловя на слух, разгадываю звуки
порхающих и прыгающих птиц.
Как хорошо, сторонка дорогая,
вот так уйти, куда глаза глядят...
И только жаль, что мать не заругает,
как это было много лет назад.

* * *

Стихи читаете. А где-то
на кладбище могила есть
и скромный памятник поэту –
звезда или старинный крест.

Звучат ликующие строфы,
а в них – смеющийся поэт...
Так звёзды гибнут в катастрофах –
их свет летит мильоны лет.